

УДК 821.161.1

А. С. Бокарев
Ю. В. Ткачук

<https://orcid.org/0000-0002-8771-6065>
<https://orcid.org/0000-0002-1755-5286>

Поэтика лайфлоггинга: об intersubъектных формах высказывания в стихах Игоря Холина

Для цитирования: Бокарев А. С., Ткачук Ю. В. Поэтика лайфлоггинга: об intersubъектных формах высказывания в стихах Игоря Холина // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 4 (6). С. 84-94. DOI 10.20323/2658-7866-2020-4-6-84-94

Статья обращена к рассмотрению субъектной организации лирики И. Холина, представителя Лианозовской литературной группы, получившего широкую известность в качестве автора книги стихов «Жители барака». Уже в названном, дебютном для поэта, сочинении обозначились широко представленные у него типы речеведения, при которых субъект уподоблен лайфлог-камере, а фокус внимания смещен с «я» на «ты», с внутреннего – на внешний по отношению к говорящему мир. Термин «лайфлоггинг», означающий автоматическое фиксирование жизни человека с помощью видеоносителя, закрепленного на теле, используется в статье как литературоведческая метафора, «высвечивающая» затрудненность личного высказывания и самовыражения протагониста. Однако подобно тому, как окружение лайфлоггера, не попадающего в собственный объектив, дает о нем достаточное (если не исчерпывающее) представление, жизненные реалии, находящиеся в поле зрения субъекта, способны рассказать о его внутреннем мире не меньше, чем он сам. Анализ целого ряда стихотворений (наиболее подробно рассматривается «Заборы. Помойки. Афиши. Рекламы») позволяет продемонстрировать intersubъектную природу лайфлог-«оптики». Последняя используется Холиным в трех различных формах: как «растворение» носителя речи в тексте, как построение высказывания от лица синкретического субъекта и как приоритет «другого» над «я» при создании словесного «автопортрета» героя. Невозможность дистанцирования от враждебной реальности, но и неадекватность самоопределения в ее условиях свидетельствуют о становлении кенотической модели взаимоотношений художника с действительностью. В поэзии Холина лирический субъект не только отрешенный зритель, но и действующее лицо, всецело разделяющее с миром его грехи и страдания.

Ключевые слова: авангард, примитивизм, Лианозовская группа, И. Холин, субъектная структура, intersubъектность, «я» и «другой», диалогические отношения в лирике.

A. S. Bokarev, Yu. V. Tkachuk

**Poetics of lifelogging: on intersubject forms of utterance
in Igor Kholin's poems**

The article is addressed to the consideration of the subject organization of lyrics by I. Kholin, a representative of the Lianozovo literary group, who became widely known as the author of the book of poems "Residents of the Barack". Already in the presented, debut for the poet, composition there were outlined the types of speech widely presented to him, in which the subject is likened to a life-log camera, and the focus of attention is shifted from "Self" to "you", from internal to external to the speaking world. The term "life-logging", meaning the automatic fixation of a person's life using a video medium fixed to the body, is used in the article as a literary metaphor, "highlighting" the difficulty of personal speaking and self-expression of the protagonist. However, just as the environment of a life logger who does not fall into his own lens gives him a sufficient (if not exhaustive) idea, the life realities in the subject's field of view can tell about his inner world no less than he by himself. The analysis of a number of poems (the most detailed is considered "Fences. Garbage cans. Posters. Advertising") allows you to demonstrate the intersubjective nature of life-logic "optics". The latter is used by Kholin in three different forms: as the "dissolution" of the speaker in the text, as the construction of the statement on behalf of the syncretic subject and as the priority of the "other" over the "self" when creating the verbal "self-portrait" of the hero. The impossibility of distancing from hostile reality, but also the inadequacy of self-determination in its conditions, testify to the formation of a kenotic model of the artist's relationship with reality. In Kholin's poetry, the lyrical subject is not only a detached viewer, but also a protagonist who fully shares his sins and suffering with the world.

Key words: avant-garde, primitivism, Lianozovo group, I. Kholin, subject structure, intersubject, "Self" and "other", dialogical relations in lyrics.

Проблема личностных границ «я» и его взаимоотношений с «не-я», ключевая для гуманитарной науки XX в., актуальна и применительно к лирике [Вязмитинова, 1999; Кукулин; Кулаков, 1999], где носитель речи заведомо «не равен... себе, текуч, неясен, схвачен потоком перемен и трансформаций» [Ермолин, 2016, с. 192]. Следствием такого положения дел явилось радикальное (даже по меркам интересующего нас рода литературы)

сближение кругозоров автора и героя, чреватое отказом от автономного «я» в пользу «коллективного» (а иногда и социально обусловленного) сознания. С позиций исторической поэтики названная особенность объясняется дополнительностью «я» и «другого» в неклассическую эпоху – личность понимается здесь не как монологическая, а как «неопределенная» и вероятностно-множественная» [Бройтман, 2004, с. 253]. Отсюда утверждение лири-

ческого «я» как доминирующего типа субъективности, по мнению С. Н. Бройтмана, в нем воплощено единение автора-творца и героя, их нераздельность-неслиянность, представляющая собой «некую межсубъектную по своей природе целостность» [Бройтман, 2004, с. 255–258]. В литературе второй половины XX в. оно формируется в творчестве как официальных, так и неподцензурных поэтов – Д. Самойлова, О. Чухонцева, А. Цветкова, Б. Кенжеева и др., но доминантой художественного мира становится у авангардистов второй волны, составивших Лианозовскую группу, – Е. Кропивницкого, Я. Сатуновского, Г. Сапгира и И. Холина. К рассмотрению форм интерессубъективности в лирике последнего из названных авторов как раз и обращена настоящая статья.

Субъектная структура стихотворений Холина уже подвергалась литературоведческому анализу. По мнению А. В. Володиной, она определяется поэтикой «общего места», когда говорящий мыслит себя «в поле “советского”» – в языковом пространстве банальностей и клише, «объединенных... опытом множества людей» [Володина, 2013, с. 205–209]. При таком самопозиционировании личность редуцирована до функции – заранее предопределенного набора действий и мыслительных операций [Володина, 2013, с. 214]. Сказанным объясняется и ослабление границ автопсихологической и ролевой

поэзии: в фокусе внимания Холина – «среднестатистический» обитатель барака, чей внутренний мир скуден и малоинтересен. Даже люди будущего, получившие слово в цикле «Космические» (в их облике слились органика и механика) ценностно столь же не развиты и ведут примитивный, подчиненный соматическим интересам, образ жизни. Холинский субъект при этом пребывает в двойственном положении: с одной стороны, он ощущает свою непосредственную причастность к описываемому миру, состояние «некоего социально-онтологического, пространственно-временного единения с ним», с другой – испытывает «неодолимую потребность внутренне дистанцироваться от среды, убийственной для всяких проблесков духовности» [Бачинин, 2008, с. 230]. Эту особенность мировосприятия и субъектной структуры лирики Холина мы будем соотносить с понятием, вынесенным в заглавие работы, – лайфлоггингом.

Лайфлоггинг (от англ. “life”, “log” – «жизнь», «журнал»), идеи которого возникли еще в 1940-е гг., осмысливается исследователями как «самодокументирование» повседневности человека, который в любой момент может обращаться к личным архивам – записям камеры, закрепленной на его теле, – с целью более глубокой саморефлексии [Bush, 1945; Маркеева, 2015, с. 131]. Таким образом, лайфлоггер, «регистрируя» реальность, запечат-

леает явления, которые непосредственно видит, и жизненных «попутчиков», с которыми взаимодействует, а «архивируемое» им пространство является его средой. Иными словами, окружение лайфлоггера, обычно не попадающего в объектив собственной камеры, дает представление о личности, претендующее на объективность в несравнимо большей степени, нежели ее прямые самоаттестации. Согласно М. М. Бахтину, «у человека нет внутренней суверенной территории», поэтому, чтобы заглянуть «внутри себя», он вынужден смотреть «в глаза другому или глазами другого» [Бахтин, 1979, с. 312]. Предметом анализа далее и будут такие формы авторского присутствия в стихотворениях Холина, при которых субъект уподоблен лайфлог-камере, а фокус внимания смещен с «я» на «ты», с внутреннего – на внешний по отношению к говорящему мир.

Стратегия лайфлоггинга в лирике Холина наиболее очевидна в текстах, представляющих собой субъектно не маркированные высказывания (количественно они преобладают в самых разных, хронологически дистанцированных друг от друга книгах и циклах – от «Жителей барака» до «Дороги Ворг»). В поле зрения говорящего попадают типичные для описываемого хронотопа (и повторяющиеся из стихотворения в стихотворение) ситуации: склока, драка, донос, кража, шантаж, распитие спиртно-

го, домогательство – натуралистически конкретные в ранних и абсурдистски заостренные (с участием инопланетян, названных земными именами, и роботизированных машин с вполне человеческими потребностями) в более поздних стихотворениях. Однако как бы внешне ни различались холинские персонажи, перечень их контактов строго регламентирован и исключает любые формы эмпатии, не говоря уже о любви, дружбе и взаимопомощи. Поэтому всеобщая анонимия, членовредительство или даже убийство – закономерный итог многих сюжетов: «Сын / Убил кошку / Папа сказал / Хорошо / Сын / Изнасиловал девочку / Папа сказал / Хорошо / Сын / Донес на друга / Папа сказал / Хорошо / Сын / Убил человека / Папа сказал / Хорошо / Сын / Убил папу» [Холин, 1999, с. 205]. О чем бы ни писал Холин (будь то политика или литературный быт советского андеграунда), барак в его стихах остается универсальной моделью мира, поэтому невмешательство наблюдателя в фиксируемые им события (которое, однако, и в самых «объективных» текстах редко бывает абсолютным) осмысляется как едва ли не единственная возможность сохранить погранную равнодушием и насилием идентичность.

Показателен в этом смысле «канонический» для поэтики раннего Холина текст, строящийся как длинный, составленный из разнородных элементов, перечень: «За-

боры. Помойки. Афиши. Рекламы. / Сараи – могилы различного хлама. / Синее небес голубых глубина. / Квартиры. В квартирах уют, тишина. / Зеркальные шкапы. Комоды. Диваны. / В обоях клопы. На столах тараканы. / Висят абажуры. Тускнеют плафоны. / Лежат на постелях ленивые жены. / Мужчины на службе. На кухнях старухи. / И вертятся всюду назойливо мухи» [Холин, 1999, с. 9]. Когда говорящий в стихотворении принципиально «невидим» читателю, изображаемое воспринимается как череда картинок-«кадров», будто заснятых на лайфлог-камеру. Заземленность и незначительность попадающих в его поле зрения реалий удостоверяется такими рифменными парами, как «диваны-тараканы» и «старухи-мухи», в которых семантически уравниваются человек и его атрибуты, с одной стороны, и вызывающие раздражение и отвращение насекомые-вредители, с другой. Кроме того, в одном перечислительном ряду оказываются «далековатые», трудно совместимые в пределах локального речевого контекста, понятия: за констатацией «уюта» следует упоминание о клопах в обоях, а «синеющая глубина голубых небес», с которой связываются положительные коннотации, соседствует с «сараями», аттестованными как «могилы различного хлама» (сопротивопоставляется здесь не только содержательное наполнение высказываний, но и их стилевая окраска: возвы-

шенно-поэтическая в первом случае и прозаически-сниженная – во втором). Кумулятивная логика, основанная на «семантическом тождестве при внешнем различии форм» свидетельствует, что в поэтическом мире Холина ценности и антиценности не абсолютны, а граница между ними проницаема и не всегда ощущается не только персонажами, но и носителем речи, близким авторскому плану [Бройтман, 2004, с. 42]. Свойственная архаическому сознанию «нечувствительность к противоречию» предопределяет и размывание границ персональности, следствием которого оказывается невозможность отделить лирического субъекта от изображаемых им героев [Бройтман, 2008, с. 31].

Об унификации личности в произведениях Холина нередко сигнализирует уже поэтическая грамматика, чреватая специфической субъектной неопределенностью. Если глагольное сказуемое дано в форме прошедшего времени, а подлежащее опущено, его позиция становится переменной и заполняется подстановкой множества референтов («я», «ты», «он» / «мы», «вы», «они») [Черняков, 2016, с. 57]: «Продавал керосин и разную мелочь. / Одному не дал сдачи мелочь. / Оказался ревизором. В акте записал: / “Виноват в обчете”. / Уходя, намекнул: / – Дашь две тысячи, / Будем в расчете» [Холин, 1999, с. 25]; «Выпивали / В Национале / Деформация / Лица /

Зенит / Немь / Звенит / Темь / Ча / Ча / Ча / Чу / Чу / Чу» [Холин, 1999, с. 161]. Очевидно, что «я» и «другой» в подобных текстах нерасчленимы не только синтаксически, но и ментально, поэтому на передний план в человеке выдвигается не личность (ее место может быть занято любым барачным обитателем), а социальная роль или жизненное «амплуа» («палач», «жертва», «домашний тиран», «подкаблучник» – список можно продолжать). Неслучаен в этой связи ономастикон Холина: фамилии персонажей не только обнажают их сущность, но и обнаруживают авторское отношение к ним: Несчастливцев – «неудачник», Бутылкин – «алкоголик», Мамочкин – «маменькин сынок» и т. д. Оптика поэта-«лайфлоггера» настроена так, что фиксирует лишь универсальные и при этом самые неприглядные стороны человека, а присущая ему индивидуальность и положительные качества (если допустить существование таковых) от нее неизменно ускользают.

Результатом подобного мироотношения становится «регистрация» поэтической «камерой» синкретического субъекта, в котором напряжение между «я» и «другим», присутствующее в лирике, полностью исчезает [Бахтин, 1997–2012, с. 77]. Ориентированные на один тип сознания, стихотворения Холина лишены маркеров, указывающих на принадлежность монолога автопсихологическому или ролевому герою. Так,

из цитируемого стихотворения – «Тихо. Тихо. Спит барак. / Лишь будильник: так-тик-так, / Лишь жена храпит во сне – / Спать она мешает мне» – не ясно, кого называет перволичное местоимение: авторского протагониста или не совпадающего с ним персонажа [Холин, 1999, с. 14]. Супружеские отношения осмысляются в целом ряде стихотворений Холина («Мы все отчасти проститутки», «Были у меня с женой скандалы...», «На землю зимний лег покров» и т. д.), однако ни в одном из них контекст тематически родственных произведений не проясняет субъектного статуса говорящего. Когда содержание высказывания не зависит ни от биографических подробностей, ни от речевой манеры героя (названные характеристики в поэтическом мире Холина – коллективная собственность), «я» и «другой» оказываются ментальными «двойниками» (а то и «сиамскими близнецами»), различить и разделить которых заведомо невозможно. Поэтому, запечатлевая такого субъекта (будь то люмпенизированный обитатель барака или представитель «кибернетического века», совершающий путешествие к далеким звездам), поэт-«лайфлоггер» с неизбежностью «прозревает» себя в «другом» (а «другого» в себе) – и это одна из немногих возможностей для него стать если не полноценным героем стихотворения, то по крайней мере объектом собственной рефлексии.

Сказанным выявляется ограниченность, но и художественная продуктивность стратегий лайфлоггинга в лирике: затрудненность прямого высказывания побуждает к поиску таких способов речеведения, при которых субъект, номинально отказываясь от самовыражения, заставляет говорить о себе внеположенный ему мир. Получается, что, выступая в таких случаях темой стихотворения, «я» отдает «другому» право голоса и / или оценки, «подключаясь» к нему с целью собственной репрезентации [Majmieskiułow, 1990, с. 111]. В результате возникает эффект, определенный М. М. Бахтиным как способность глядеть «на себя в зеркало... своими и чужими глазами одновременно» [Бахтин, 1979, с. 314]. Такой способ высказывания был осознан поэтом уже в книге «Воинрид» («Вы называете меня / Сумасшедшим / И хуже того / Крепином / За то что я думаю / Что время / И пространство / Одно и то же / За то что любимая моя / Представляется мне / В виде треугольника» [Холин, 1999, с. 137]), однако особенно ярко проявился в цикле стихотворений «Холин», где индивидуальное «я», в отличие от ранних стихотворений, не «изгоняется» из текста, но оказывается увиденным со стороны – глазами альтернативного «другого».

Приоритет последнего при конструировании лирического субъекта становится возможен благодаря чужой интенции, которой «окрашива-

ется» речь героя, смотрящего на себя как на «он» или «ты», высказываниям о «Холине» ролевого персонажа и реплицированности, когда «голоса» и ценностно-смысловые позиции оппонентов сталкиваются в одном речевом контексте. Функционально эти формы почти не отличаются друг от друга – коммуникативной задачей оказывается дискредитация «Холина», обреченного на неприязнь и агрессию окружающих: «Холин сломал ногу / Слава Богу / Я к нему ничего не имею / Чтобы он сломал / Шею / Чтобы он сломал / Спину / Чтобы ему / Сукиному сыну <...> Чтобы ему быть / Заживо отпетым / Чтобы / В сортир провалиться / Чтобы / Говном подавиться» [Холин, 1999, с. 190]. В других текстах цикла характеристики героя уже более обстоятельны: его облик вызывает ассоциации с уродцами Босха («У Холина рога / На пояснице»), интеллектуальные способности ставятся под сомнение («Холин / Болен / Он живет по спирали»), а характер и поведение не имеют ничего общего с усредненной «нормой»: «Я поражен / Сколько у Холина / Жен <...> Жены / Со всего света / Это / В его-то лета» [Холин, 1999, с. 184, 188]. В негативном ключе осмысливается и творчество субъекта: отвергаемая баракком поэзия делается объектом пародии и воспринимается как глоссолалия, а ее создателю отказывается даже в праве называться поэтом: «Холин / Человек от сохи /

Пишет стихи / Си хи / Се хи / Си се хи» [Холин, 1999, с. 187]. Впрочем, процесс познания «Холина» и высказывания о нем сопровождаются явным напряжением, и отраженное чужим сознанием (а потом как бы зафиксированное лайфлог-камерой) «лицо» протагониста тут же теряет резкость.

Неслучайно целый ряд стихотворений открывается глаголами восприятия, акцентирующими многократные попытки чувственного постижения «Холина» («Вы видите...», «Вы слышите...» и т. д.) [Холин, 1999, с. 189, 191]. Однако результатом таких попыток оказывается гротескное «развоплощение» личности в сознании «другого», поддержанное паронимической аттракцией и словесным повтором, подчеркивающими размывание контуров: «Лицо у Холина / *Течет* <...> *Стекает* ухо / По *скуле* / *Скула стекает* / *Вдоль бедра* / *Бедро в ведро* / *В ведре* / *Дыра торчит* / А он *кричит* / Я весь *теку* / По собственному / Сапогу» (одинаковые звуковые комплексы выделены полужирным, повторы – курсивом. – А. Б., Ю. Т.) [Холин, 1999, с. 189]. Видимо, поэтому «непостижимость» «Холина» в конечном счете тематизируется, а представления о нем объявляются неадекватными объекту: «Если вы смотрите / На Холина / И видите / Холина / Знайте / Вас водят за нос / Если вы смотрите / На Холина / И видите 34 в 35 степени / Перед вами Холин» [Холин, 1999, с. 187]. Когда поэт (и его

читатель) имеют дело с «отражениями отражений», «текучесть» и «ускользание» становятся ключевыми характеристиками субъекта, облик которого принципиально не собирается в единый фокус.

Разумеется, понятие «лайфлоггинг» в применении к лирике – всего лишь метафора, «высвечивающая» как ориентацию автора на внешний мир и чужое сознание, так и затрудненность личного высказывания и самовыражения говорящего. В поэзии Холина подобная «оптика» (интерсубъектная по своей сути) представлена в трех различных формах: как «растворение» носителя речи в тексте (не исключаящее, однако, ценностной идентификации с происходящим), как построение высказывания от лица синкретического субъекта (в котором автор и герой нераздельны), и как приоритет «другого» (его позиции, слова или интенции) по отношению к «я» при создании словесного «автопортрета» героя. Невозможность дистанцирования от враждебной реальности, но и неадекватность самоопределения в ее условиях свидетельствуют о становлении кенотической модели взаимоотношений художника с действительностью [Житенев, 2012, с. 44–45]. Суть ее удачно сформулировал сам Холин, в стихах которого лирический субъект не только отрешенный зритель, но и действующее лицо, всецело разделяющее с миром его грехи и страдания: «Я постепенно опуска-

юсь / На дно / Туда / Где люди / опускаюсь я / Тем ближе к Богу»
Хрюкают / Мычат / И скотский об- [Холин, 1999, с. 134].
раз жизни / Для них / Единственная
форма / Существования / Чем ниже

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собрание сочинений в семи томах. Москва : Русские словари; Языки славянской культуры; Языки славянских культур, 1997–2012. Т. 1. С. 69–263.
2. Бахтин М. М. К переработке книги о Достоевском // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1979. С. 308–327.
3. Бачинин В. Поэтическая социография остмодерна: археология барачного «подполья» // Вопросы литературы. 2008. № 5. С. 223–240.
4. Бройтман С. Н. А. Пушкин. На холмах Грузии лежит ночная мгла // Бройтман С. Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики. Москва : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2008. С. 24–32.
5. Бройтман С. Н. Историческая поэтика // Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. Москва : Академия, 2004. Т. 2. 368 с.
6. Володина А. В. Поэтика «общего места» и проблема поэтической субъективности: поэзия И. Холина // Труды Русской антропологической школы. 2013. Т. 12. С. 203–224.
7. Вязмитинова Л. Г. В поисках утраченного «Я» // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 271–280.
8. Ермолин Е. С поэзией что // Знамя. 2016. № 9. С. 191–194.
9. Житенев А. А. Поэзия неомодернизма. Санкт-Петербург : ООО «ИНАПРЕСС», 2012. 480 с.
10. Кукулин И. В. Заметки по следам статьи Людмилы Вязмитиновой. О стихах Дмитрия Воденникова. Режим доступа: <http://www.litkarta.ru/dossier/kukulin-o-vodennikove>. (Дата обращения: 01.12.2020).
11. Кулаков В. Г. Поэзия как факт. Статьи о стихах. Москва : Новое литературное обозрение, 1999. 400 с.
12. Маркеева А. В. Лайфлоггинг (lifelogging): направления использования и социальные последствия развития цифровых архивов персональных данных // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 7. С. 123–138.
13. Холин И. С. Избранное. Стихи и поэмы. Москва : Новое литературное обозрение, 1999. 320 с.
14. Черняков А. Н. «Грамматика деперсонализации» в идиостиле Егора Летова / А. Н. Черняков, Т. В. Цвигун // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2016. № 4. С. 55–61.
15. Bush V. As We May Think. Режим доступа: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1945/07/as-we-may-think/303881/>. (Дата обращения: 01.12.2020).

16. Majmieskułow A. Стихотворение Пастернака «Сестра моя – жизнь и сегодня в разливе...» // Poetika Pasternaka. Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Bydgoszczy. Studia Filologiczne; Filologia Rosyjska 1989 z. 31/12. Bydgoszcz, 1990. С. 91–119.

Reference list

1. Bahtin M. M. Avtor i geroj v jesteticheskoj dejatel'nosti = Author and hero in aesthetic activity // Bahtin M. M. Sobranie sochinenij v semi tomah. Moskva : Russkie slovari; Jazyki slavjanskoj kul'tury; Jazyki slavjanskih kul'tur, 1997–2012. T. 1. S. 69–263.

2. Bahtin M. M. K pererabotke knigi o Dostoevskom = To the revision of the book about Dostoevsky // Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorcestva. Moskva : Iskustvo, 1979. S. 308–327.

3. Bachinin V. Pojeticheskaja sociografija ostmoderna: arheologija barachnogo «podpol'ja» = Poetic sociography of postmodern: archeology of the barracks “underground” // Voprosy literatury. 2008. № 5. S. 223–240.

4. Brojtman S. N. A. Pushkin. Na holmah Gruzii lezhit nochnaja mgla = A. Pushkin. On the hills of Georgia lies a night moss // Brojtman S. N. Pojetika russkoj klassicheskoj i neklassicheskoj liriki. Moskva : Ros. gos. gumanit. un-t, 2008. S. 24–32.

5. Brojtman S. N. Istoricheskaja pojetika = Historical poetics // Teorija literatury: Ucheb. posobie dlja stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenij: V 2 t. Moskva : Akademija, 2004. T. 2. 368 s.

6. Volodina A. V. Pojetika «obshhego mesta» i problema pojeticheskogo sub#ektivnosti: poezija I. Holina = Poetics of “common place” and the problem of poetic subjectivity: poetry by I. Kholin // Trudy Russkoj antropologicheskogo shkoly. 2013. T. 12. S. 203–224.

7. Vjazmitinova L. G. V poiskah utrachennogo «Ja» = In search of the lost “Self” // Novoe literaturnoe obozrenie. 1999. № 39. S. 271–280.

8. Ermolin E. S poeziej chto = With poetry that // Znamja. 2016. № 9. S. 191–194.

9. Zhitenev A. A. Poezija neomodernizma = Poetry of neomodernism. Sankt-Peterburg : OOO «INAPRESS», 2012. 480 s.

10. Kukulin I. V. Zametki po sledam stat'i Ljudmily Vjazmitinovej. O stihah Dmitrija Vodennikova = Notes on the traces of an article by Lyudmila Vyazmitinova. About the poems of Dmitry Vodennikov. Rezhim dostupa: <http://www.litkarta.ru/dossier/kukulin-o-vodennikove>. (Data obrashhenija: 01.12.2020).

11. Kulakov V. G. Poezija kak fakt. Stat'i o stihah = Poetry as a fact. Articles on poems. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 1999. 400 s.

12. Markeeva A. V. Lajflogging (lifelogging): napravlenija ispol'zovanija i social'nye posledstvija razvitija cifrovych arhivov personal'nyh dannyh = Lifelogging: directions of use and social consequences of development of personal data digital archives // Sovremennye issledovanija social'nyh problem (jelektronnyj nauchnyj zhurnal). 2015. № 7. S. 123–138.

13. Holin I. S. Izbrannoe. Stihi i pojemy = Selected. Poems and poems Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 1999. 320 s.

14. Chernjakov A. N. «Grammatika depersonalizacii» v idiostile Egora Letova = “Grammar of depersonalization” in the idiostyle of Yegor Letov / A. N. Chernjakov, T. V. Cvigun // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Serija: Filologija, pedagogika, psihologija. 2016. № 4. S. 55–61.
15. Bush V. As We May Think. Rezhim dostupa: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1945/07/as-we-may-think/303881/>. (Data obrashhenija: 01.12.2020).
16. Majmieskułow A. Stihotvorenje Pasternaka «Sestra moja – zhizn' i segodnja v razlive...» // Poetika Pasternaka. Zeszyty Naukowe Wyzszej Szkoły Pedagogicznej w Bydgoszczy. Studia Filologiczne; Filologia Rosyjska 1989 z. 31/12. Bydgoszcz, 1990. S. 91–119.